

Попцов Олег Максимович (год рождения 1934) — писатель. Секретарь Московского отделения Союза писателей СССР (1980 — 1986). Председатель Всероссийского государственного телевизионного и радиовещательного комитета (1991 — 1995). Член исполкома Конгресса интеллигенции России (1998).

Олег Попцов: «УМЕРЕТЬ, НО ВОЙТИ В ЦИВИЛИЗАЦИЮ!»

Беседа с писателем

Выступление известного журналиста и писателя Олега Попцова на открытии конференции, посвященной проблемам интеллигенции конца XX в., было коротким. Он поставил несколько вопросов: как скоро мы уйдем от обидчивой ностальгии по прошлому? Может быть, пора покинуть трибуну и выйти на игровое поле?

Дал ряд советов: «Не надо падать в обморок, если филолог или историк начал работать в сфере бизнеса»; «Не заразить озлобленностью студенчество» и др.

А в заключение высказал пожелание «создать концепцию дел, которые помогут объединить интеллигенцию».

В работе «круглых столов» гость не участвовал, зато совершил две экскурсии: в компьютерный центр университета и в домашний геологический музей Владимира Пелепенко. По дороге в музей и обратно он успел сделать еще одно дело — ответить на вопросы. Так родилось это интервью.

— Олег Максимович, какой, с вашей точки зрения, может быть концепция дел, «которые помогут объединить интеллигенцию»? Вот так, сходу, — три дела?

— Прежде всего, развитие экономики, особенно региональной. Только что в университете мы видели, какие возможности дает хотя бы вот это университетское ядро... Какая степень понимания, какая степень благородства, терпимости к окружающему бардаку. Безусловно, дело интеллигенции — просвещение власти, реформа просвещения, сохранение культурного наследия... Но

все это надо делать в регионах. Интеллигенция, которая живет в Торжке, должна чувствовать, что она — мозг Торжка.

— А пока — что же, сидим, сложа руки и ждем подъема?

— Интеллигенция отброшена от главной колеи, мимо несется непонятный поезд, она помнит, что ехала совершенно в других вагонах, а у поезда был другой маршрут. Она это помнит и не понимает, почему ее забыли. Это была одна из самых главных ошибок демократов.

— Но ведь они сами принадлежали в основном к интеллигенции...

— Это, если угодно, конфликт поколений. К власти пришли люди, которые до этого писали доклады для патриархов и у них же работали. А 35-40 лет — возраст для самых активных амбиций! Почему я должен писать доклады Абалкину, решил Явлинский, если я и сам могу?.. К власти пришли те, кто не имел опыта управления. И, совершенно естественно, отрицая прошлое, они стали его копировать. Потому что другого примера в этой стране не было. «Мы вышли из партии, но партия осталась в нас». От этого не уйдешь, пыль эпохи на наших сапогах.

— *И долго еще ее отряхать?*

— Долго, а как же. Такая машина рухнула... Это очень серьезный вопрос — как столь великое столь быстро могло разрушиться. Это говорит о том, каким непрочным оно было.

— *Держалось только на словах...*

— И сейчас все держится на словах. Вот она, эта пыль...

— *Так, может, нас спасет национальная идея, которую так долго и усердно ищут? Как вы к этому относитесь?*

— Ну, как... У всякой нации должна быть своя идея. У такой страны, которая занимала одну шестую часть суши, не могло не быть своего специфического воззрения. Ибо пространство — это философия. И все разговоры о мессианстве, которые всегда были сильны в России, идут от этого: мы представляем нечто, чему равного нет. Но когда говорят, что президент дал задание выработать национальную идею, это полный бред. Национальная идея — это сумма состояния общества. Вот вам пожалуйста, не национальная идея, а «идея развития»: «Мой дом — моя крепость». Мой, наш, ваш дом, я в нем защищен, независим, понимаете? Или: «Не проедать, а развиваться!»

— *И вы считаете, что эта идея может объединить страну в стремлении двигаться вперед, а не набивать карманы?*

— Ну конечно! Если люди не работают, идея не заставит их это делать. Заставляет работать осмысленность. При социализме прекрасно понимали, что нужен девиз, под которым идешь. «Догнать и перегнать» — у нас. «Родина или смерть» — у кубинцев. Но это не есть национальная идея, это есть импульс. Брежнев считал, что каждому году нужен свой импульс: «Экономика должна быть экономной», «Пятилетка качества».

— *Спекуляция.*

— Нет, догматическая логика. Мне кажется, что национальная идея должна быть такой, чтобы человек, опираясь либо отталкиваясь от нее или находясь под ее лучами, мог делать свое дело. Почему я назвал формулу «Мой дом — моя крепость»? Потому что большой ли дом, маленький или дом-страна — это формирует понятие нации. Или: «Время — деньги!» Чтобы понимали, как работать надо, а не перекуривали... Национальная идея — понятие, казалось бы, патриотическое, а мы пытаемся превратить ее в антипатриотическую — заставлять сограждан покупать отечественную скверную продукцию. Национальная идея должна быть антидогматична.

— *Но при этом укладываться в доступную массовому сознанию формулировку?*

— Понимаете, у нас под видом национальной идеи шли идеологические лозунги — вот что самое страшное.

— *А ваш лозунг — «Мой дом — моя крепость»?*

— Н-е-ет, я просто сказал, чтобы в идее присутствовал интерес конкретного человека. Любой режим искал эту объединяющую идею. Как ту Жар-пти-

цу... Одна из идей, как мне кажется, должна отражать стремление войти в цивилизацию. Умереть, но стать цивилизованным государством!

— *Как вы относитесь к поведению нашей православной церкви?*

— Очень сложно... Очень сложно. Накачка, агрессивность — я совершенно этого не приемлю. Я не приемлю, когда у университета могут отнять здание, потому что в каком-то веке там была церковь... Я дважды говорил на эту тему с патриархом, сказал, что меня беспокоит необдуманная агрессия церкви, на что он ответил: «Сын мой, церковь столько потеряла!» Хотя совершенно ясно, что если вести себя точно так же, как твои обидчики, то это уже не по Библии... И все-таки любой путь, который дает хотя бы частичное очищение общества, должен, бесспорно, приветствоваться. Только не надо это насаждать силой и превращать в комедию, когда все коммунисты вдруг становятся верующими — этого не может быть никогда.

— *Возмущает и отношение православной церкви к другим религиям...*

— Конечно, и поэтому я считаю, что принятый закон о вероисповедании очень уязвим.

— *Где, вы считаете, должен быть похоронен прах Николая II и его семьи?*

— Я думаю, в Санкт-Петербурге, в их усыпальнице в Петропавловской крепости. Это согласно с традициями православия и культуры памяти. Было бы нелепо делать это в Москве и столь же нелепо — в Екатеринбурге.

— *Кто самый интеллигентный человек в правительстве России?*

— Вообще-то нельзя найти того, чего нельзя найти... Мы много говорим о том, что такое интеллигентность... Это образование в соединении о воспитанием, причем, воспитание играет преваляющую роль. Челсвек,

имеющий шесть классов, может быть интеллигентным, если умеет сочувствовать, сострадать, прийти на помощь. То есть необходимо наличие потенциала бескорыстия. У нас же, когда говорят об интеллигенте второго поколения, только то и имеют в виду, что его папа тоже кончил вуз. Но разве в этом дело?! В этом смысле интеллигентов в правительстве нет. Потому что там сострадание — по должности... Интеллигенты должны делать власть интеллигентной. Надо научиться быть властью, не являясь таковой по должности. Властью разума, властью суждений, властью настроений... И совсем необязательно туда рваться. В этом смысле для интеллигенции, как и для журналистов, «своей» власти не бывает. Они для того и существуют, чтобы говорить правду и об обществе, и о власти. И как только ты говоришь правду, власть перестает считать тебя «своим»».

— *А как вы думаете, почему правительство «не заметило» Конгресс интеллигенции?*

— Так это же благо! На нем не было представителей властей, и это значит, что власть чувствует: что-то здесь не то. Это значит, она понимает, что в зале собрался некарманный народ, и не хочет еще раз слышать неприятные вещи о себе самой. Это относится и к той интеллигенции, которая находится при власти и боится испортить отношения — вдруг премьер меня заметит? Плакали тогда обещанные ассигнования...

— *К вопросу о конформизме...*

— Конечно, конечно о конформизме! В свое время на одном из съездов писателей покойный Виль Липатов сказал прекрасные слова. Он говорил немножко заикаясь, примерно так: «Вот раньше к-как было? К-каждый монарх считал счастьем для себя проци-

тировать писателя. А сейчас в-выступает Марков и цитирует Брежнева». Этим сказано все. Вот — конформизм! Кстати сказать, когда я работал на комсомоле, то свой первый выговор в обкоме партии получил за то, что в моем докладе не было ни одной цитаты Хрущева. И знаете, где это было? В Ленинграде!

— *Ваша любимая газета?*

— Сейчас у меня нет любимой газеты, потому что все они похожи, но я могу сказать, какая газета состоялась — это, безусловно, «Коммерсант-дейли», которую я считаю одной из самых интересных... Эти ребята совершили прорыв, правда, сейчас несколько застыли, но все равно надо радоваться тому, что они появились. Затем — старые «Известия», на которых я вырос, нет, не новые, новые — затея обреченная... Газета «Сегодня» создает некоторую эталонность культуры подачи, но страдает информационностью, правда, сейчас журналисты это поняли. Хорошая «Общая газета» — не потому, что я там сотрудничаю... Одна из самых интересных — это, конечно, «Литературка», которая могла

бы быть совершенно роскошной, но там есть свой груз — старый коллектив... Я терпеть не могу «Аргументы и факты», но считаю, что Старков — сверхталантливый менеджер, умница. Он понял, что народ любит задавать вопросы — это газета ответов на вопросы. По дизайну она делается просто дико, как стенгазета, но имеет самый большой тираж. Что ж, и такая газета должна быть...

— *Ходят слухи, что вы создаете издательскую фирму, значит, в газетной семье ожидается пополнение?*

— Я пытаюсь сделать проект, и если он получится, я надеюсь, это будет очень интересный проект.

— *А что вы собираетесь издавать?*

— (Смеется). Я хочу издавать совершенно другую газету, принципиально новую, «газету наоборот», не такую, какие сегодня существуют. Я хотел бы издавать журналы... Вообще, надо сделать товаром то, что сегодня в дефиците.

— *А что сегодня в дефиците?*

— Доброта, порядочность, соучастие, сострадание. Это удивительный «товар»...

Я не успела пожелать Олегу Максимовичу исполнения задуманного — мы подъехали к университету, пора было прощаться и уходить. Но, во-первых, пожелать ведь можно и мысленно, и не только мне, но и всем, кто кожей чувствует, что без такого «товара» мы уже задыхаемся. Что весь перечисленный «дефицит» и есть интеллигентность, несмотря на то, что у очень и очень многих папы кончали вузы. И что сейчас интеллигенция расколота, и это беда... Уже прощаясь, собеседник мой обронил: «Относились бы интеллигенты по-доброму друг к другу — и не надо никаких объединяющих дел...»

Интервью взяла
Валерия Финнова

